

– А вчера на рынке продавали такие чудные ананасы – вы себе просто не представляете, мальчики! – как всегда, восторженно воскликнула она. – Эти фантастические фрукты были величиной с футбольный мяч!

– Таких огромных ананасов не бывает. Спорим? – усмехнулся Люка.

– Ну ладно, – поправились она, ничуть не смутившись. – Чуть поменьше. Когда я их ела, вкуснейший, сладкий, янтарный сок стекал с моих пальцев. Я никогда ничего подобного не пробовала! – мечтательно прикрыла она глаза от удовольствия.

– Везет же! – с завистью буркнул Пьетро.

– Я целых двадцать купила! – добавила она.

– Такую кучу?! – я не смог сдержать его. – Тогда у вас еще много должно было завалиться. Ну нельзя же все разом съесть!

– Конечно, нет, – ответила она.

– А можете нас хоть одним угостить? – вскричали мы хором. Надежда прорезалась в наших голосах.

– Чем угостить? – не поняла она.

– Ананасом! – ответили мы.

– Каким еще ананасом? – казалось, она призадумалась о чем-то еще.

– Вы же только нам об этом рассказывали, – пояснили мы. – Должны же у вас в холодильнике остаться ананасы, если вы их столько закупили!

– Да не люблю я ананасы, – пожалала она плечами с незадачливой улыбкой.

А на днях она озадачила нас рассказом о том, как спасла котенка из реки. По ее словам, она бросилась на середину стремнины, выхватила несчастное создание из цепких лап бурного потока и, борясь с течением, поплыла к берегу. Крохотный испуганный котенок сидел у нее на голове.

– Но ведь вы не умеете плавать! – напомнили мы. – Совсем не умеете!

– Какая разница? – хмыкнула она. – Если пришло время для подвига...

– Но вы же старая! – вставил бесцеремонно Пьетро.

– И это тоже совершенно не важно, если у тебя доброе, бесстрашное сердце, – парировала она.

В этом была она вся. Фредди! Просто «Фредди» – так мы ее звали. Она была пожилой, даже очень пожилой женщиной. Глаза ее, когда-то, видно, отражавшие небесный свет, давно утратили яркость и лишь отливали мутной голубизной. Волосы ее были седыми, как и положе-

но добропорядочной сеньоре. Но все же она порой любила пофорситься и оттого нередко красила их в каштановый. Передвигалась Фредди с легкой хромотцой; с одной ногой у нее точно были проблемы. Однако говорить об этом она не любила. Что доставляло ей удовольствие, так это сидеть на своем крыльце, наслаждаясь теплом солнечных лучей.

Безумное воображение Фредди делало ее просто непостижимой! Она рассказывала истории. В этом она была действительно, хороша! Бесспорно, никто им не верил – такими яркими и необычными они казались. Но мы, обычные мальчишки римских улиц, чьим единственным развлечением было гонять на велосипедах да иногда смотреть телевизор, любили ее истории. А еще, Фредди так добродушно и дружелюбно привечала нас, и по случаю угощала фруктами и сладостями. Ну как тут не прикипеть душой?!

– Мой отец был знаменитым певцом из России, – начала Фредди.

– И что же он пел? – спросил Пьетро скептически.

– Оперу, – ничуть не смутилась она. – Голос его грохотал со сцены так, что ты ощущал его под кожей.

– Как его звали? – спросил Люка.

– Теодор, – прикрыла она глаза, вызывая в памяти его образ. – Зрители рукоплескали ему, где бы он ни выступал! Мне иногда разрешали посмотреть из-за кулис.

– А каким он был дома? – спросил я. – Вы помните?

– Ну конечно, Карло, – глаза ее увлажнились, наполняясь нежностью, на миг проглянула былая яркость. – Голос его дома становился тихим и глубоким. Он был так красив – в каждой мелочи! И пусть он происходил из низких слоев общества, мой отец был настоящим аристократом. Но его так легко было взволновать! Он мгновенно раздражался гневом, словно грозовая туча, со своим «сиюминутным» характером (так мама порой говорила)! В такие моменты мы его побаивались.

– Хм! – презрительно хмыкнул Пьетро. – Кривая Нателла говорила, что знавала Старого Тео. Он был запойным пьяницей, а петь и вовсе не умел!

Фредди выкатилась из автобуса, волоча за собой тяжелые сумки. Не под силу ей тащить их до дому. А с нашими велосипедами помочь – пара пустяков. Фредди семенила медленно-медленно. Сумки, притороченные сзади, ехали на нашем транспорте.

– Знали бы вы, как чудесно я смотрюсь за рулем моей любимой «Альфа Ромео»! Вождение – моя страсть! – вдруг воскликнула Фредди.

– Тогда зачем же вы ездите на автобусе? – не замедлил отреагировать Пьетро, обиженный такой явной ложью.

– Пришлось ее продать, – вздохнув, объяснила она.

– Почему? – удивился Люка.

– Возраст, знаете ли, – продолжала она. – Говорят, нельзя мне уже.

– Сколько же вам лет, Фредди? – поинтересовался я.

– Уже и не знаю, – пожалала она плечами. – Должно быть, старая.

Мы занесли ей сумки в дом, счастливо получив сладости в награду. Фредди устало опустилась на ступеньки своего крыльца.

– Карло, сделай нам всем чаю, пожалуйста! – попросила она, я и сделал. – А вы, мальчишки, вытаскивайте сюда стол и стулья.

Люка и Пьетро поторопились выполнить ее просьбу. Мы никогда не возражали. Это же просто справедливо, протянуть руку помощи тем, кто не может помочь себе сам, особенно, если они такие милые.

– Я родилась в России и воспитывалась как типичная дочь благородного семейства. Меня учили танцам, пению и языкам.

– На скольких языках вы говорите, Фредди?

– На пяти, Люка, – устало вздохнула она. – Я свободно ими владею.

– А можете что-нибудь по-русски сказать? – в голосе Пьетро снова зазвучали скептические нотки.

Она кивнула и произнесла какую-то фразу. Звучало, как скопище непонятных варварских шумов. Пьетро поморщился. Нателла утверждала, что Фредди ужасная показушница и неисправимая лгунья. Когда Фредди вдруг принималась бормотать неразборчиво, «бессвязицу нести», как называла это Нателла, та по привычке твердила: «Кто ее разберет? Она просто хочет привлечь внимание – это уж к бабке не ходи!»

– Как же вы оказались в Италии? – мне всегда было интересно, что она скажет в ответ.

– В детстве я мечтала об Италии, – начала она мечтательно. – В своем воображении я построила для себя целый волшебный мир, полный чудес. И вот теперь в нем я и живу – земля мечтаний обратилась в мой дом.

– Это невозможно, Фредди! – воскликнул Люка. – Когда ты что-то придумываешь, а потом оказываешься в том месте, которое сам себе навоображал! Так не бывает!

– Я училась балету в классе знаменитой танцовщицы Матильды Кшесинской. Вы о ней слышали? – встрепенулась Фредди.

– Нет, – покачали мы головами, обозначая свое полное незнание.

– Вот представьте себе, шесть лет за балетным станком с тех пор, как мне исполнилось шесть!

– Это тяжело, – подтвердил Люка. – Я бы не смог!

– Я танцевала в «Шопениане», раскрасневшаяся от непривычного тогда внимания зрителей к юной девочке, в изящном венке, – рассказывала она, вдохновленная мгновением прошлого, которое виделось только ей.

– Фредди, как вы могли быть балериной?! – перебил ее Пьетро. – Вы же ногу подволакиваете!

– Это сейчас, – на миг умолкла она. – А в то время я была молодой и грациозной.

– Да вы еле передвигаетесь! – добавил я.

– После травмы, – издала она печальный вздох.

– Травмы? – переспросил Люка.

– Однажды я упала и порвала связки на ноге.

– С тех пор вы и хромаете? – нас наполнило сочувствие к этой пожилой женщине.

– Ирония судьбы, – улыбка ее получилась грустной. – Рожденная балериной, не способна танцевать.

Как-то зимним утром мы сидели в гостиной Фредди. Она пригласила нас в дом, так как ветер пробирал холодом до костей. Старушка поставила на стол горячий чай с булочками. Как раз то, что нужно в такой день!

– Фредди, что бы вы назвали главным событием своей жизни? – спросил Люка.

– Да, расскажите нам! – присоединился я. Это выглядело как увлекательная игра, где пытаешься угадать, какова доля правды в ее историях, или, может, они полностью выдуманы.

– О-о, их было немало! – усмехнулась она. – Ладно уж, расскажу вам, как я стала Мисс России.

– Ого! – воскликнул Пьетро.

– Да-да! Не удивляйтесь! Все это дело случая, – усмехнулась она.

– Вы были королевой красоты?! – задохнулся пораженный Пьетро. – Да вы себя в зеркале-то видели? Как же вас могли выбрать? Я, конечно, извиняюсь, – резко поправился он.

– Пустяки! Не стоит! – перебила его она. – Никто с годами не хорошеет.

– Ну, продолжайте же! – нетерпеливо попросил Люка.

– Как я вам уже говорила, я танцевала в «Шопениане». И так случилось, что знаменитые русские писатели Бунин и Куприн, да еще художник Коровин там присутствовали. Тогда они меня увидели и сказали: «Вот наша будущая Мисс Россия!».

– Но Фредди, вы же такая маленькая, и не настолько худая! – настаивал я.

– В 1931 году люди ценили иной тип красоты: изгибы женского тела и мягкие линии.

– Как все происходило? – с жаром спросил Люка.

– Я прибыла в назначенное место, где все происходило, и увидела множество девушек. Все они были очень взволнованы, но я отчего-то оставалась спокойной.

– Почему? – вступил я в разговор.

– Я знала, что меня уже избрали, а они – нет. Все они были такими яркими, готовыми к победе. А я совсем ничего не делала, пришла бледная и не выказывающая интереса.

– Вы что же, не хотели победить? – Пьетро был поражен.

– Вовсе не хотела! – воскликнула она. – Тогда считалось позором, если тебя провозгласят главной красавицей перед другими! Я целый вечер проплакала!

– Зачем же вы пошли? – спросил я.

– Мама сказала, что это очень важно для журнала «Иллюстрированная Россия», который отвечал за эти конкурсы.

– Может, вы не хотели участвовать, потому что атмосфера была постыдной? – предположил я.

– Нет. Конечно, нет. Раньше не устраивали дефиле. Непременным условием таких конкурсов была безупречная нравственность: прежде всего, оценивались моральные качества, хорошие манеры и благородное происхождение.

– Как отреагировала ваша семья? – спросил я.

– Мама гордилась. Отец подшучивал надо мной, но, догадываюсь, в тайне он тоже гордился.

Мы были все внимание, пытаюсь разглядеть тонкие черты королевы красоты. И только Пьетро ухмыльнулся при этой мысли. Он бы поверил чему угодно, кроме этой истории.

– У меня были отношения с членом королевской фамилии, – улыбнулась Фредди.

– Вот только не говорите, что собирались замуж за британского принца! – ирония Пьетро снова подняла свою насмешливую головку.

– Не собиралась, – отмахнулась она. – Он был из Сиама; их принц звался Чуло Чакрабон. Он приехал тогда на автогонки.

– Что за отношения? – поднял бровь наш друг.

– Я в тайне была его невестой целых десять лет, – гордо ответствовала она.

– Верно, он женился на другой? – насмехался он над пожилой женщиной.

– Я не хотела за него замуж, – улыбнулась Фредди.

– Кажется, я читал, что он потом женился на русской девушке по имени Катя и даже увез ее в Сиам, – вспомнил я.

– Должно быть, его тяга ко всему русскому была поистине сильна, – в глазах ее вновь мелькнула тень давно ушедшей юности.

Спустя некоторое время мы опять вернулись к разговору об Италии. Она рассказала, что изучала дизайн в США во время Второй мировой войны.

– Что же занесло вас в Италию, Фредди? – спросил я.

– Меня пригласили организовать хореографические номера в фильме о русском классическом балете. Вот так я вернулась в балет, – глаза ее засияли.

– Кто позвал вас в нашу страну?

– Мужчина моей жизни! – в голосе ее зазвучало счастье. – Луиджи был очарователен!

– Нателла говорила, ваш муж был намного старше и рано умер.

– Семнадцатью годами старше, – подтвердила она. – Но он был лучшим!

– Чем он занимался?

– Писательством и журналистикой. Вы знаете, это он основал киностудию «Синесита»?

– Да ну, это невозможно! – возмущенно фыркнул Пьетро. – Вы просто специально собираете факты, чтобы вплести в свою жизнь! – Он убежал, совершенно обиженный ее постоянной ложью.

– Луиджи так красиво за мной ухаживал! Каждое утро он посылал мне алые розы, – продолжала она.

– А потом? – нам хотелось услышать продолжение.

– Потом мы поженились и жили «долго и счастливо», – усмехнулась она.

– А дети? Карьера? – спросили мы.

– И то, и другое, – ответила она. – Я дала жизнь дочери и сыграла в трех фильмах мужа.

– Например? – устались мы на нее в сомнениях.

– Такой, как: «Только для тебя, Лючия», – ответила она.

– Так вы актриса? – спросил я.

– Нет. Игра не привлекала меня, – мы обменялись понимающими взглядами.

А в другой раз она рассказала, что была офицером итальянского флота. Она работала на лайнерах, развлекавших пассажиров первого класса.

– Женщин не принимают на службу морскими офицерами! – абсолютно убежденно заявили мы.

– Но я была, – ее уверенность ничуть не поколебалась. – Я всегда обожала море! В моем детстве мы нередко прогуливались с отцом по набережной в Одессе, держась за руки. На мне был надет морской костюмчик (многие дети носили их тогда), а отец, словно горец, носил черкеску.

– Забавно и мило одновременно, – сказал я.

– Когда я ездила в Россию на кинофестиваль, организаторы устроили мне особенное приветствие, – улыбнулась она.

– Какое это? – спросил Люка.

– Они подготовили мне морской костюм, который я счастлива была надеть; водитель в черкеске ждал, распахнув дверь машины, – засмеялась она.

– Фредди, это же смехотворно, видеть старую женщину в таком костюмчике! – вернулся Пьетро.

Она покачала головой: – Экстравагантно и ностальгически, – возразила она. – Как если бы я вновь прогуливалась с отцом, держась за руки.

– Наверное, вы очень старая, Фредди, – предположил Пьетро в сомнениях. – Столько повидать за одну жизнь!

– В душе мне всегда останется двадцать восемь. А то что происходит снаружи – не имеет значения.

Мы вместе с ней рассмеялись.

– В последний раз я ездила в Россию в 1984-м, похоронить на Родине прах отца. Теперь он на Новодевичьем кладбище, окруженный знаменитостями, что при жизни были ему друзьями. Жизнь их разбросала. Теперь они больше никогда не расстанутся.

– Фредди, – снова сделал попытку Пьетро. – Кривая Нателла показывала нам могилу вашего отца здесь, в Риме. Старый Тео и вы провели целую жизнь здесь. Вы снова выдумываете и изобретаете миры!

– Нет, мальчики, – уверенно возразила она. – Мир Нателлы ограничивается кругом, что описывает ее длинный нос. Но настоящий мир больше... гораздо больше!

Однажды Фредди оставила этот мир, который любила всем сердцем. Казалось, ничего особенного не произошло: просто в тот день она не вышла на свое крылечко. Мы остановились постучать в ее дверь. Красивая женщина с печальными глазами отворила. Она объяснила, что она дочь Фредди. Она сказала нам, что Фредди умерла.

Множество людей приехало на похороны. Мы и не предполагали, сколько у нее было знакомых. Группа туристов, говорящих по-русски, на ломаном итальянском поведала, что Фредди была почти ровесницей двадцатого столетия.

А назавтра вечером по телевизору показывали «Только для тебя, Лючия». Мы видели милое личико очаровательной хрупкой блондинки с голубыми, как небо, глазами. Сбросив паутину времени, черты ее рисовали знакомое лицо. Мы слышали ее музыкальный голосок с экрана. Это был голос Фредди, что часто рассказывал нам невероятные истории.

Малоприметная заметка появилась в газете. В ней говорилось: «На девяносто восьмом году скончалась последняя жившая на Земле дочь Федора Шаляпина. Ее звали Марина Шаляпина-Фредди». С черно-белой фотографии томно улыбалась юная красавица. «Мисс Россия-1931» – королева красоты – задумчиво смотрела на нас.

